

Следует упомянуть также ряд работ, посвященных изучению развития и отражения в памятниках XVII в. легенды о смерти царевича Димитрия Угличского. Первым, еще в дореволюционное время, обратился к этой теме В. Светозаров в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия»,⁷⁶ но его работа очень поверхностна и не дает ясного представления о возникновении и развитии легенды. Более глубоко подошел к той же теме А. А. Рудаков в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе».⁷⁷ Он привлекает большее количество памятников, устанавливает источник возникновения легенды, обращаясь к грамотам Шуйского и Марии Нагой — матери царевича, правильно указывает этапы, которые прошла легенда в своем развитии. Упрекая справедливо своего предшественника, Светозарова, в том, что он, говоря о развитии легенды, располагает памятники не в хронологическом порядке и допускает ряд сомнительных и рискованных заключений, А. А. Рудаков в свою очередь привлекает далеко не все произведения, в которых в том или ином виде рассказывается легенда о царевиче Димитрии; новые подробности, появляющиеся в отдельных вариантах легенды, он склонен в ряде случаев без достаточного основания приписывать личному творчеству данного автора, объясняя это «стремлением к логичности и улучшению рассказа».

Той же проблеме посвящена была кандидатская диссертация автора данной статьи «Повесть о царевиче Димитрии Угличском в памятниках XVII века».⁷⁸ В диссертации привлекаются все памятники, в которых история царевича Димитрия так или иначе используется, выявляются источники легенды и вновь возникающих подробностей, выясняется связь между отдельными произведениями, рассказывающими о смерти царевича. Автор рассматривает также исторические песни, в которых отражена легенда, и влияние ее на иконопись и миниатюру. Одна из глав диссертации, посвященная анализу образов повести о царевиче, как они даны в произведениях писателей XVII в., напечатана.⁷⁹ Автор указывает здесь на новый подход к образу человека, к изображению человеческого характера в повестях, отражающих события «Смуты».

Упомяну еще несколько ненапечатанных диссертаций, имеющих прямое отношение к нашей теме и представляющих несомненный интерес. Это, во-первых, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. И. Прокофьева на тему «„Видения“ крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века. (Из истории жанров литературы русского средневековья)» и, во-вторых, диссертация Л. Кутиной на тему «Лексика исторических повестей о Смутном времени. (Из истории русского литературного языка XVII века)». Если вторая работа интересна для литературоведа лишь частично, некоторыми своими наблюдениями, то первая, изучающая такой любопытный жанр древней литературы, как «видения», представляет исключительный интерес для каждого изучающего литературу русского средневековья. Приходится пожалеть, что эта интересная и талантливая работа до настоящего времени ни целиком, ни в отрывках нигде не напечатана. Диссертация А. И. Филатовой

⁷⁶ Русская старина, 1913, февраль.

⁷⁷ Исторические записки, № 12. М., 1941, стр. 254—283.

⁷⁸ Основные положения работы нашли отражение в статье «Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия (хранящиеся в Отделе рукописей ВБЛ)», напечатанной в «Записках» Отдела рукописей ВБЛ (вып. 15, М., 1953, стр. 78—117).

⁷⁹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. VII, Кафедра русской литературы, вып. 1 Учпедгиз, М., 1946, стр. 21—34.